

**ДЕТЕКТИВНАЯ
МЕЛОДРАМА**

ЧИТАЙТЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ МЕЛОДРАМЫ

**ГАЛИНЫ
РОМАНОВОЙ**

Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
Я – его алиби
Девушка с секретом
Блудница поневоле
Неплохо для покойника!
Стервами не рождаются!
Дожить до утра
Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денег
Мужей много не бывает
Ты у него одна
Любитель сладких девочек
Игры в личную жизнь
Черт из тихого омута
Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
Миллионерша поневоле
Внимание: неверный муж!
В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
Любвеобильный джекпот
Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы
Большие проблемы маленькой
блондинки
Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей
Окно в Париж для двоих
Лицензия на happy end

Черная корона
Рыцарь чужой мечты
Демон искушения
Грешница в шампанском
Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
Жизнь нежна
Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью
и смертью
Любовь окрыляет
Единственная моя
С первого взгляда
Второй подарок судьбы
Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
Цвет мести – алый
Не доставайся никому!
Чужая жена – потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда
Семь лепестков зла
Свидание на небесах
Ведьма отмщения
Программа защиты любовниц
Кинжал в постели
Гнев влюбленной женщины
Лучший день в году
Огненный шар
Незнакомка с тысячью лиц

**ГАЛИНА
РОМАНОВА**

*Последнее
придвигище
негодья*

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 69

Оформление серии А. Дурасова

Романова, Галина Владимировна.

Р 69 Последнее прибежище негодяя : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Детективная мелодрама. Книги Г. Романовой).

ISBN 978-5-699-78750-0

Александра Воронцова просто не могла скрыть своих слез — мало того что ее несправедливо обвинили в промышленном шпионаже на работе, чуть было не уволили, разругалась со своим парнем Сашей Горячевым, так теперь случилась самая страшная беда — умер любимый дедушка. А полиция обвиняет ее деда в убийстве его соседей Лопушиных на бытовой почве. И якобы после этого преступления дед сам и застрелился из своего трофейного наградного пистолета. Александра во все это поверить не может, не таким человеком был ее родственник, но никто ей не верит, рассчитывать приходится только на себя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-78750-0

© Романова Г.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

БАБА 1

— Ну вот и засентябрило... — произнес кто-то в пустой серой комнате голосом ее покойной бабки.

По голому полу зачавкали подошвы ее резиновых тапок. Потом хрустнули пружины матраса ее деревянной кровати. Зашуршал накрахмаленный пододеяльник. Бабка улеглась в постель.

— Скоро раздождится, потом завьюжит, — не унималась бабка, ворча в подушку. — Холода... Грядут холода... Дед-то не переживет. Да и нечего ему там, с вами, нечего делать...

Одна из пружин под ее старым крупным телом взвизгнула особенно остро и противно. Потом еще и еще раз. Бабка будто нарочно решила извести ее, покачиваясь на скрипучей койке. Надо было прикрикнуть на нее. Иначе это никогда не закончится. Бабка всегда была вредной.

Саше пришлось открыть глаза.

Будильник! Конечно, это был будильник. Больше-то нечему было так противно ныть. Той старой скрипучей кровати давно уже не было. Как

не было в живых и бабки. Она померла семь лет назад в январскую стужу.

— Даже помереть не могла как надо, — ворчал дед, отворачивая ото всех заплаканное несчастное лицо. — Людям-то теперь как землю ковырять! Морозы-то какие! Эх, Лия, Лия. Не могла подождать до тепла? Вот вечно ты назло всем все делаешь...

Убедить деда в том, что на все воля Божья, что его жена Лия прожила много дольше, чем ей отводили врачи, никто не взялся. Он когда-то для себя решил, что Лийка должна его пережить, и все. А там вы как хотите. А что у его жены было очень больное сердце, изношенный никотином организм, израненная сиротством единственной внучки душа, что не могло подарить ей лишних лет, он как данность принимать не хотел.

— Она должна была меня отволочить в ящике, Сашка. Она... — горевал он потом долгих два года. — Что мне вот теперь, а? На стены тут выть?! Ты еще вот съезжаешь...

Саша протянула с дедом еще год после этого, потом все же съехала на квартиру, которую купила по соседству. Все следующие четыре года она дважды в день ему звонила, через день навещала. А воскресенье и вовсе проводила весь день с ним, все чаще за городом. И ничего, дед смирился. С годами повеселел, начал даже засматриваться на одиноких соседок. Но так, не по-серьезному, просто для общения, подчеркивал он.

— Лия хоть и была стервой... Матерой стервой, Сашка! Такие теперь не рождаются, — говорил он, и старое лицо его мгновенно превращалось

• *Последнее пришествие негодяя* •

в горестную маску. — Но заменить ее мне никто не сможет. Никто! Никогда! Скоро семь лет, как нет ее, а она мне почти каждую ночь снится. Тебе-то, Сашка, она хоть снится?..

Саше бабка никогда не снилась. И Саша за это была ей крайне признательна. С бабкой они не очень-то ладили. Та была придирой и ворчуньей. Вечно искала изъяны в Сашином воспитании, манерах и внешности. Хотя сама ее и воспитывала, прививала манеры и учила, как себя преподать. Противной она была. Не то что дед. Милый, мягкий, покладистый человек. Грешно признаваться, но Саша втайне радовалась, что первой ушла бабка. Случись по-другому, кто знает, как бы все сложилось. И она, если честно, уже стала забывать ее. Как она выглядит, как ходит, как говорит.

И вдруг этот сон! Первый за семь лет!

Бабкин голос. Ее поступь в отвратительных резиновых шлепанцах, звонко шлепающих по полу и пяткам. Скрип пружин ее кровати, хруст накрахмаленного постельного белья.

Что она говорила? Что-то говорила ведь точно. Что-то нехорошее, противное. Что-то про деда.

Завьюжит... Захолодает... Дед не переживет...

Ужас какой! Только не это! Только не теперь! Он ей сейчас так нужен! Особенно сейчас!

Саша сбросила с себя толстое одеяло, соскочила с кровати и, подойдя к окну, рванула шторы в разные стороны. Прильнула носом к стеклу, рассматривая улицу и стену дома, в котором жил ее дед.

Все было как всегда. Серая бетонная стена стояла на месте, не рухнула. Ровным рядом, нависая низкими ветками над бордюрным камнем, стояли притих-

шие от безветрия ивы. На подъездной дорожке к дому деда, как всегда, раскорячилась «Газель» Витьки Ломова — хозяйина маленького дежурного магазинчика. Машину разгружали, в магазин таскали лотки с хлебом, упаковки с пряниками, печеньем, пакеты с макаронами. Значит, сегодня четверг. Печенье с пряниками всегда привозили по четвергам. По вторникам и пятницам — молочку и колбасу. По понедельникам то, чего не хватило в выходные. Все по графику, все четко, размеренно. Дни недели можно было сверять по поставкам в ломовский магазин. Тошно, конечно, что он постоянно дорогу перекрывает. Но не скандалить же было с ним всякий раз из-за этого.

— Сашка, тебе от своего подъезда до подъезда деда — тридцать пять шагов, — возмущался Виктор, когда она пыталась его призвать к порядку. — Ты быстрее дойдешь, чем тачку со стоянки выгонишь.

Это, конечно, было правдой, дойти было быстрее. Но дело принципа, ведь так?

— Вся вот ты в бабку свою, противная, — ворчал он ей в спину, когда она все же заставляла переставить «Газель», угрожая ему штрафами. — Той тоже вечно все мешало!

Бабке при жизни и правда мешало все. Свет уличных фонарей мешал спать по ночам. Если фонари не горели, темнота сокрушала могильная. Мешали соседи: топали над головой, орали в подъезде, хлопали дверями. Мешала назойливая почтальонша, навязывающая пачки лаврового листа и упаковки молотого перца. Мешала подъездная уборщица, залившая лестницу водой. Мешал шум дождя и ветра. Мешала иногда и Саша со своей подростковой необузданной веселостью и чрезвы-

• *Последнее прибежище негодяя* •

чайно посерьезневшей юностью. Теперь вот получается, что ей помешал дед на этом свете. Она решила его призвать к себе до холодов.

Саша именно так поняла странный сон, первый и единственный с участием бабки за минувшие семь лет. И сделалось неуютно и холодно, хотя за окнами золотился солнцем сентябрь.

Начало сентября было тем временем года, в котором она чувствовала себя особенно комфортно. Солнце не палило, а грело. Ветер случался редко, а если и случался, то сыпал под ноги дождем золотой листвы, и ей это очень нравилось. Вечерами в пригородных поселках жгли костры, и она с удовольствием вдыхала осторожно наплывающий на город запах сожженной картофельной ботвы и сухостоя.

Она любила сентябрь всегда, но не сегодня. Сегодня, утром четверга, утром нерабочего четверга ей было противно и тошно. И из-за того, что у нее произошло на работе, откуда ее в срочном порядке вывели в отпуск. И из-за сна этого дурацкого.

— Дед? — Саша снова завалилась на кровать с телефонной трубкой — спешить было некуда. — Что делаешь?

— Здравствуй для начала, — отозвался тот ворчливо. — Как бабка твоя, Сашка! Та вечно ни здрасте, ни до свидания!

— Она приснилась мне сегодня, дед, — вдруг призналась Саша, рассматривая кусок яркого голубого неба в незашторенном окне.

— Да ну! — удивился он. Голос его дрогнул волнением. — И что было в твоём этом сне?

— Да ничего особенного. Ходила она по комнате, ворчала, — соврала Саша.

— А чего ворчала-то? — беспокойным голосом спросил дед. — Может, на нас на что-то обижается, Сашок, нет? Может, могилку надо поправить? Ничего такого не было?

— Да нет. Погода не нравилась, скоро, говорит, захладевает.

— Да-а-а, холод она не любила, — дед вздохнул. — А потом взяла и в холод-то и померла. Ладно... У тебя там что с работой? Что думаешь после отпуска делать? Осталось-то две недели всего. Снова вернешься в эту... в этот...

Дед ругаться не любил и всегда подолгу подыскивал нужные слова.

— Дед, не знаю, — Саша вздохнула и зажмурилась. — Уйду, признаю поражение. Как бы согласшусь, что это я виновата!

— Не уйдешь, тебя заставят признать это со временем. Тебе не дадут там жить, Сашка. — Дед рассердился: — Не надо, девочка. Не стоит оно того. Не стоит тратить жизнь, нервы на доказательства. И было бы из-за чего!

Правильнее, из-за кого, хотелось ей поправить деда. Но она промолчала.

— Весь этот сыр-бор выеденного яйца не стоит, девочка, — продолжил учить ее уму-разуму дед. — Проблема надуманная! История неприятная, конечно, но... Но не стоит это того, поверь. Не стоит распылять себя на это.

— Понятно, — слабым голосом проямлила она.

— Понятно ей! — прикрикнул дед. — Чего-то не договариваешь? Что-то скрыла от меня тем вечером, так?

• *Последнее прибежище негодяя* •

— Нет, — не совсем уверенно ответила Саша. — Все рассказала как было.

— Что пропавший диск с информацией, которую берегли от конкурентов, нашли в твоей сумочке, так? Что в твою причастность к краже почти никто не верит? Что почти все считают это инсценировкой? Как это принято сейчас у вас говорить — подставой. Все так было?

— Так. Ладно, дед, я подумаю, может, после отпуска и не вернусь туда, — пообещала Саша: разговор надо было срочно сворачивать, пока она не расплакалась.

— Но что-то ты мне все же так и недоговорила, — вдруг сделал дед вывод. И после паузы, наполненной его задумчивым пыхтением, обронил: — Все дело в каком-то молодом человеке, так? Кого-то оплакивает твое бедное сердечко, Сашка, так?

— Дед, не начинай! — взмолилась она. — Давай, пока-пока. Завтра увидимся.

— А чего не сегодня? Знаю-знаю, завтра наш день. Но ты же в отпуске, Сашок. Чего не сегодня?

— Может, и забегу, — пообещала она, точно зная, что не пойдет сегодня к деду.

Если пойдет сегодня, дед точно вернется к этому разговору. И тогда точно вместе со слезами выудит из нее правду. А если она ему все расскажет, то это может иметь необратимые последствия. Дед тогда непременно, надев свой военный китель с наградами, пойдет с визитом к...

Тсс, не надо ворошить воспоминания. Не стоит даже думать о том, из-за кого она теперь так страдает. Не стоит...

ЧАВА 2

— Собери всех!

Узловатый, с коротким некрасивым ногтем, палец Соседовой соскользнул с клавиши. Догадливая секретарша, поняв, что у Аллы Юрьевны опять нелады с новым аппаратом для внутренней связи, заглянула в кабинет:

— Алла Юрьевна, я правильно поняла, у нас совещание?

— Да, правильно!

Соседова неприязненно осмотрела ладную фигурку девушки. Та ухитрилась выглядеть на тысячу долларов в грошовом платишке и дешевых туфлях без каблучков. Она вот лично никогда так не выглядела. Даже в лучшие свои годы. Теперь не следовало и стараться. Теперь ей сорок девять. Закат! Закат бабьего века! А рассветать еще и не рассветало.

— Что еще?!

Соседова старательно выгнула левую бровь. Это была мимика крайнего неудовольствия, к этому подчиненные были приучены. Секретарша растворилась, успев пробормотать, что кофе будет готов через минуту.

Соседова всегда пила кофе перед совещанием. Варился полный кофейник на четыре чашки. Туда же сразу засыпался сахар и доливались четыре чайные ложки сливок, очень жирных, очень калорийных. Две чашки Алла Юрьевна выпивала до совещания. Одну в процессе. И последнюю уже после того, как за последним сотрудником закры-

• *Последнее прибежище негодяя* •

валась дверь. Таков был ритуал. Сегодня она ему немного изменит. Сегодня на совещание ей пить кофе не придется. Слишком напряженными будут сегодня дебаты. Сегодня она немного изменит правила игры. Она не станет говорить с каждым наедине. Сегодня она постарается столкнуть всех своих подчиненных лбами. Пускай они разгневаются, записхуют, перестанут быть сдержанными, начнут орать. И вот тогда-то она — матерая бизнесменша, мудрая из мудрых женщина — точно сможет выловить из всего этого гневного, эмоционального ора нечто для себя полезное.

Она не позволит добить себя! Пусть бабьему веку ее закат вот-вот случится. Закатиться делу всей ее жизни она не позволит! Нет!

Через пару минут, не обманув, Соня внесла поднос с кофейником и крохотной кофейной чашкой. Не глядя на работодателя, пристроила поднос на край стола и, пятясь, вышла из кабинета. Она снова угадала, что именно сейчас видеть ее Алле Юрьевне особенно неприятно. Угораздило же надеть утром новое платьишко и туфельки в тон!

Соня уселась на свое место за высокой стойкой. Задумчиво уставилась в монитор, разлинованный реестровой таблицей. И сильно вздрогнула, когда на клавиатуру легла кустовая розочка с белыми цветочками.

— Прекрасно выглядите, Софья, — гортанным голосом констатировал заместитель Соседовой — Геннадий Степанович Савельев. Невысокий несимпатичный мужичок хилого телосложения. — Так держать!

— Спасибо.

Соня кисло улыбнулась и невольно покосилась на дверь. Не хватало еще, чтобы Соседова захватила ее еще и с розой в руках. Шипеть потом будет неделю.

— Что там? — тут же настороженно вытянулся Савельев. — Все так серьезно?

— Будто бы да. А там кто знает! — трагическим шепотом ответила девушка.

— А повестка все та же? — Савельев нервно прошелся пятерней по светлым редким волосам.

— Конечно! Она больше ни о чем ни думать, ни слышать не желает. Я сегодня случайно подслушала ее разговор с кем-то по телефону и...

— О, меня уже опередили!

Савельев и Соня вздрогнули. На пороге приемной стоял главный бухгалтер Заломов Василий Васильевич и с подозрением на них посматривал. Был он худ телом, но мощен духом. И еще подозрителен и весьма неприятен внешне, и наверное, именно поэтому его все боялись, а кто не боялся, все равно избегал. Как досталось от него бедной Саше Воронцовой! Соня до сих пор передергивалась, стоило вспомнить.

— А я-то тоже к вам, Соня, с розами. — Заломов противно хихикнул. — Тоже, знаете ли, эдакий подхалимаж. Тоже хочу знать, что за повестка дня. Никому же ничего... Все жам-жам!

На клавиатуру легла еще одна ветка кустовой белоснежной розы. «Может, они один букет разорили? — подумала Соня рассеянно. — Если сейчас кто-то еще явится точно с такой же веткой, то, значит, один букет на всех делили».

Больше цветов не было. Народ прибывал, теснясь в приемной. Вполголоса переговаривались.

• *Последнее прибежище негодяя* •

Обсуждали, догадывались, трусили. Многие хмурились, боясь, что гнев Соседовой ненароком коснется и их. Некоторые откровенно радовались, что гнева того избежать могут в силу непричастности. И совершенно не сочувствовали соседу. Некоторые настороженно молчали, рассматривая пол под ногами либо стены поверх чужих голов. К последним относился и Александр Горячев. Он как зашел, как встал слева от двери, подперев спиной стену, так не шевельнулся больше ни разу. Это Соня точно знала, потому что не спускала с него глаз. Потому что он ей очень-очень нравился. Она даже, дрянь бесовестная, тихонько радовалась, когда Сашу Воронцову погнали в отпуск из-за скандальной истории со злополучным диском. Слишком уж у них с Горячевым стремительно начал развиваться роман. Их любовная история семимильными шагами двигалась в направлении логического ее завершения в одном из отделов записи актов гражданского состояния.

- Они точно поженятся, — предполагали одни.
- Осенью точно, — шептались другие.
- Да он ей уже предложение сделал!
- Да ладно?!
- Точно, я знаю...

Соня страдала от всех этих разговоров, потому что Горячев ей очень-очень нравился. А Саша Воронцова — нет.

В новом аппарате внутренней связи скрипнуло, громыхнуло, и неприятный голос Соседовой приказал всем войти в кабинет.

— Итак, господа! — Алла Юрьевна обвела всех тяжелым взглядом. Он казался особенно тяжелым